

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Воскресенье, 4-го (17-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8141.

Памяти Чехова.

Смерть, безжалостная къ русскимъ талантамъ, похитила Антона Чехова.

Мы потеряли въ Чеховѣ очень много. Онъ былъ писателемъ-изобличителемъ. Его типы—скучающіе, ноющіе люди, не знающіе, гдѣ и какое дѣло найти.

Въ „нытикахъ“ Чехова слышится за-таенный голосъ судьи, по которому въ отдаленномъ будущемъ представится возможнымъ воспроизводить жизнь нашихъ дней.

Безотраднa жизнь нашего времени, и Чехову принадлежитъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи литературы, какъ реалисту и безстрашному реалисту, нисколько не смущавшемуся говорить правду въ глаза тѣмъ, кто его читалъ, кто подъ лямкой жизни—прозябанія дряхлѣлъ, вздыхалъ и оставался трутнемъ, безсильный передѣлать себя и обреченный слышать отъ Чехова по своему адресу „отходную“—предсмертное напутствіе.

Умеръ въ Чеховѣ благородный гражданинъ, пробуждавшій сонныхъ.

Но въ лебединой пѣснѣ Чехова,—въ его „Невѣстѣ“, напечатанной недавно въ „Журналѣ для всѣхъ“, слышались другіе звуки. Можетъ быть, послѣ Чехова остались рукописи, гдѣ мы снова услышимъ болѣе опредѣленно о томъ, на что онъ далъ въ „Невѣстѣ“ только краткіе намеки.

Чеховъ началъ говорить на языкѣ новомъ, непривычномъ для читателей.

Чеховъ горячо запротестовалъ противъ одурманивающаго и засасывающаго человѣка „обывательскаго благополучія“.

Это благополучіе—тотъ фонъ, на которомъ вырастаютъ трутни, и эта-то почва заколебалась, какъ показываетъ Чеховъ въ „Невѣстѣ“.

Послышались голоса протестующей души.

Устроители гнѣздъ для молодой души, чуткой до всего идеальнаго, обрисовываются въ „Невѣстѣ“, какъ гробы, красивые снаружи, но именно какъ гробы, лишенные всякихъ зачатковъ жизни, способной раскрывать, питать душу.

Заговорилъ Чеховъ прямо, открыто противъ той атмосферы, которая порождала „нытиковъ“...

Но что Чеховъ хотѣлъ дать взамѣнъ культа пошлой сытости? Что скрывается въ той дали, куда потянуло „невѣсту“? Чѣмъ же люди живы?—вотъ запросъ, къ которому подошелъ Чеховъ, подошелъ и... умеръ.

Да, въ „Невѣстѣ“ звучать новыя рѣчи.

Поворотъ у Чехова, обозначившійся въ „Невѣстѣ“, продолженный въ „Вишневомъ саду“, поворотъ Чехова съ своей колеи на новый путь обѣщалъ создать изъ Чехова, знакомаго всѣмъ, новаго, еще невѣдомаго Чехова.

Заря новой жизни, занявшаяся, забрезжившая въ „Невѣстѣ“, прежде всего указываетъ на измѣненіе міровоззрѣнія самого Чехова.

Изъ судей-обличителей жизни Чеховъ задумалъ перейти въ творца жизни, создающаго новыя перспективы, способныя поднять, оживить, одухотворить человека.

И вотъ, едва успѣлъ начать Чеховъ новую сложную внутреннюю работу надъ собою, отвѣчать на вопросы увѣренно и и радостно, какъ смерть безжалостно прервала эту работу! Чехова не стало!

Судя по тому, какъ воодушевленно замечтала „невѣста“, можно представлять, что душа Чехова, вступая въ новую фазу своего развитія, почувствовала усиленную жизненность.

Вдвойнѣ тяжела утраѣа Чехова. Мы потеряли въ немъ большого писателя, а кромѣ того зарождавшееся въ немъ новое, радостное воззрѣніе на жизнь не успѣло созрѣть, сложиться и вылиться въ новой серіи произведеній.

Жизнь скупѣо отсчитала дни Антону Павловичу Чехову и не дала ему новыхъ силъ, на которыя Чеховъ имѣлъ всѣ права.

Мы скорбимъ не только о Чеховѣ, но и о тѣхъ, въ кого онъ хотѣлъ и могъ вдохнуть новую жизнь!

Св. Аксеновъ.
